

Семейное гнездо

Дом И.С. Конева разделен на две части. В одной размещаются выставочные залы, лекторий и библиотека, а другая представляет собой восстановленный исторический интерьер крестьянской избы конца XIX — начала XX века.

Жизнь по вековым традициям

Жилое помещение в доме восстановлено в том виде, каким оно было, когда здесь обитала большая семья Коневых. Иван Степанович, дед маршала, строил его по всем традициям, принятым в деревнях. Он имел сени, хозяйственные пристройки и большую жилую горницу, разделенную на кухонную и спальную части. Большинство предметов в этом доме сохранилось здесь еще со времен Ивана Степановича, некоторые вещи были собраны по домам деревни Лодейно или окрестных сел. Здесь есть старинный резной буфет с посудой XIX века, медный умывальник, состоящий из таза на высоких ножках и кувшина-поливалки, часы с кукушкой, большой самовар, возле которого могло пить чай все семейство Коневых.

Планировка горницы соответствует принятым обычаям. Как правило, жизнь крестьянской семьи была сосредоточена вокруг

▲ Интерьер XIX века в доме И.С. Конева

печи. Обычно она располагалась в правом дальнем углу от входа. Неслучайно о ней еще в старину придумали загадку: «Чего из

избы не вытащишь?» Печь служила источником тепла и света, в ней готовили, на ней спали, а еще, по народным поверьям, именно за печью жил домовый — покровитель домашнего хозяйства.

Большое значение в доме имел красный, или парадный угол. Он был расположен по диагонали от печи и всегда хорошо освещался. Этот угол всегда выделялся из общего интерьера, его старались украсить цветами, вышивками, позднее — лубками или открытками. Но главным украшением красного угла являлась божница — угловые полочки, покрытые красиво вышитыми рушниками, с иконами и лампадкой. Из-за этого угол еще называли святым. Стол тоже традиционно располагался в красном углу. Здесь проходили будничные трапезы семейства,

▲ Традиционная обстановка сельского дома

Словари

Подзор — нарядные края простыней, которые оставляли на виду. Подзоры украшались богатой вышивкой и кружевами и считались декоративным элементом.

а также отмечались все значимые события и праздники.

С красным углом было связано множество примет и обычаев, установленных еще в древности. Он считался самым почетным местом в доме. Согласно традиционным представлениям, пришедший в дом гость мог пройти туда только после приглашения хозяев. Здесь совершались ежедневные моления, перед тем как домашние принимались за повседневную работу.

В противоположной от красного угла стороне стоит кровать. Этот предмет мебели появился в крестьянских домах довольно поздно. В старину крестьяне спали на печках, сундуках, полотах и лавках, которые днем играли роль сидений. Даже в XIX веке, когда кровати уже появились в деревенских жилищах, они долгое время играли чисто декоративную роль.

Кровать, стоящая в доме Коневых, — это, конечно, не просто украшение, так что она определенным образом указывает на то, что интерьер принадлежит к началу XX века. Декоративную функцию выполняют простыни с нарядными подзорами, яркое лоскутное одеяло и красные подушки.

▲ Фрагмент интерьера

Полы в доме застелены половиками. Как правило, их изготавливали из ставших ветхими тканей, которые разрывали на тонкие полоски, а потом сшивали в узкие дорожки. В доме Коневых полы застелены полностью, хотя в старину так делали только по большим праздникам.

Большое семейство

У деда военачальника было четверо сыновей и дочь. Впоследствии дом вместе со всем хозяйством перешел к старшему из них — Степану. Рассказывали, что в молодости он обладал

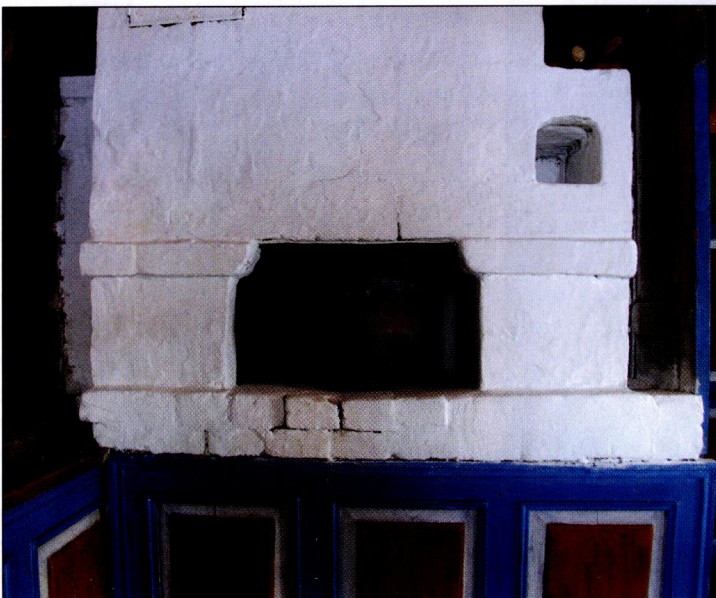
Историческая справка

Вологодская вышивка

В доме Коневых можно увидеть множество красивых полотенец и рушников, украшенных богатой разноцветной вышивкой. Полотенца издавна считались особым предметом, использовавшимся не только в быту, но и для украшения дома и в ритуальных действиях. На полотенцах подносили хлеб-соль дорогим гостям, полотенца служили вожжами, когда свадебная тройка везла жениха и невесту в церковь, на полотенцах опускали гроб с могилу, полотенца-набожники стелили в красном углу и ставили на них иконы.

Особым смыслом обладала и вышивка на ритуальных и декоративных полотенцах. Вологодская вышивка очень богата орнаментами, в ней присутствуют геометрические и растительные мотивы, стилизованные изображения птиц, зверей и людей, а также разнообразные мифологические сюжеты.

Вышитые на краях полотенец яркими красными и зелеными нитями, они несли в себе древний языческий смысл. Они служили оберегами от злых чар, а также талисманами, которые должны были привлекать в дом удачу и благополучие.

▲ Печь в доме И.С. Конева

гордым нравом. И как-то раз, будучи сильно пьяным, за игральным столом он бросил своему сопернику Пашко Рыкову фразу: «Я не только вам, шантрапе, но и самому государю императору не уступлю». Тот обозлился и написал на Степана донос.

Через три недели в Лодейно из Никольска приехали жандармы. Старший из них два часа беседовал в горнице с отцом Степана, а потом вызвал к себе Рыкова и стал допрашивать его: «Павел Рыков, как Конев Степан сказал в вашем споре с ним: „Самому государю императору не уступлю, или только самому государю императору уступлю?“» Тот еще раз подтвердил свои слова, мол, с ними много людей было, они тоже слышали слова Конева. Но офицер, который прекрасно представлял, что

может грозить человеку за неосторожно оброненные в пьяном кураже слова, предложил Рыкову подумать еще. «Другие не писали, — сказал жандарм, — а ты ведь был к тому же и пьян, вот иди, посиди и подумай».

Жандармские унтеры вывели Рыкова на крыльцо, сели с двух сторон, чтоб не сбежал, и уже вскоре доносчик «вспомнил» и доложил офицеру: «Ваше благородие, простите, спьяну перепутал, Степан сказал, что только самому государю императору уступлю». «То-то же, — ответил офицер. — На вот лист бумаги и напиши, что ты на него по злобе донес».

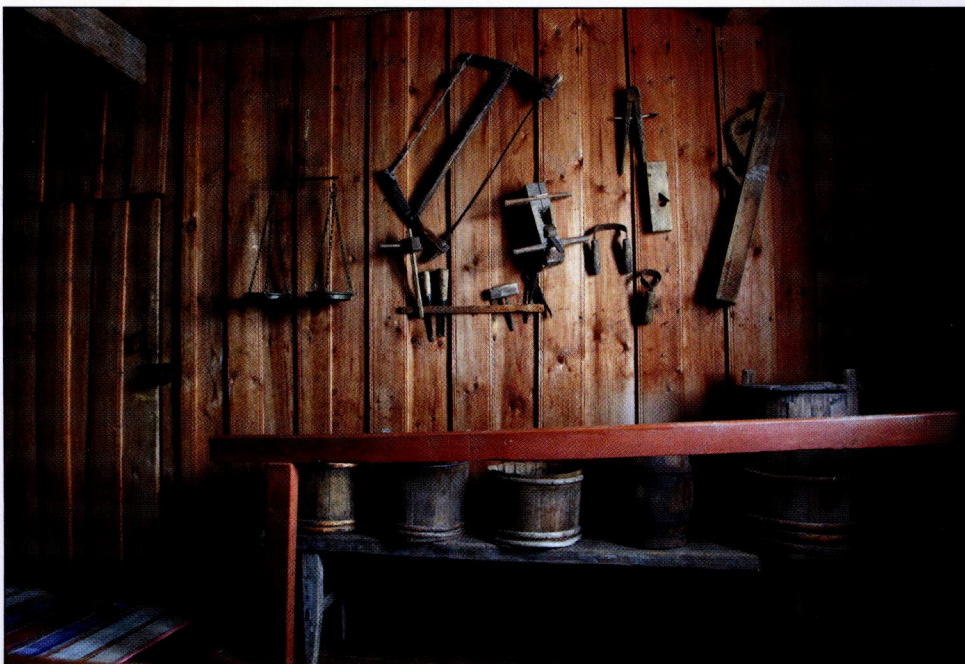
Офицер взял эту бумагу, зашел в горницу к Ивану Степановичу, и вскоре жандармы уехали. Гроза миновала. Однако такое пони-

мение со стороны жандармов стоило отцу Степана целого мешочка с золотом — почти всех его накоплений за целую жизнь неустанной работы.

Видимо, такое потрясение оказалось для Ивана Степановича слишком тяжелым испытанием. Он заболел, слег и через некоторое время умер. А его жена, словно не в себе, все пересчитывала вместе с работницей Анюшкой оставшиеся в старом мешочке золотые монеты. Вскоре она тоже скончалась, ненадолго пережив супруга.

То, что эта история действительно имела место, подтверждается рассказами племянника Степана — Василия Федоровича Конева. По его словам, дядя Степа иногда приходил в гости к брату, они выпивали, а после ссорились, и Федор Иванович упрекал его: «Ты убил отца и разорил нас». Степан на это ничего отвечал, только плакал. Видимо, это происшествие наложила отпечаток на его характер, потому что впоследствии его знали как хорошего справедливого человека.

Остальные домочадцы после смерти отца постепенно разъехались. Федор и Григорий отделились и жили со своими семьями в другом доме. Как и многие молодые люди Вологодской губернии, Федор служил в Петербурге. Он был красивым видным парнем с голубыми глазами. За эти физические данные и отчасти за то, что он был сыном торговца, его определили в императорскую гвардию, в Кавалергардский полк, где он успешно дослужился до младшего унтер-офицера.

▲ Сени

Он вернулся со службы с положительной аттестацией, и при постановке на воинский учет в Никольске уездное начальство рекомендовало его урядником в родную Щёткинскую волость. Деревня Лодейно тоже входила в нее, причем в ту пору она была самой большой в волости, в ней располагалось порядка 80 дворов. Она оставалась самым большим населенным пунктом даже после революции, когда административное деление края изменилось, и Лодейно вошла в Подосиновский район Архангельской, а затем Кировской области.

У Федора было пять сыновей, он прилежно вел свое хозяйство и при этом не оставлял должность урядника, верой и правдой служа императору. Хотя неизбежность социальных перемен он понимал, а потому после революции 1917 года против новой власти не выступал. Он в ту пору ходил в бекеше без погон, и всегда носил с собой кистень и тесак. Все об этом знали и, хотя косились на бывшего унтер-офицера, но с претензиями к нему никто не совался. Вел себя спокойно, платил исправно, а неприятности никому не были нужны.

Только когда в 1918 году в деревню приехал его племянник Иван Степанович Конев, которого отправили подавлять кулацкий бунт в нескольких волостях Никольского уезда, между ними разгорелась нешуточная ссора на почве разногласий по поводу революции и нового правительства. По свидетельствам

▲ Вещи семьи И.С. Конева

родственников, они чуть не поубивали друг друга. Только вмешательство Григория Конева спасло их от трагической развязки.

В коммуны, которая была создана в Лодейно, Федор тоже не пошел. К тому времени его от природы суровый нрав стал еще более жестким. Он срывался на родных и стал бить жену. Однажды, когда Федор уехал на дальний сенокос, к нему в дом пришел следователь и уговорил его супругу подписать донос, который послужил поводом для его ареста и отправки в тюрьму в Великом Устюге.

▲ Бюст военачальника в лектории дома-музея

Сюжет

Подавление мятежа И.С. Коневым

Земляк И.С. Конева Геннадий Михайлович Пинаев рассказывал историю, произошедшую в Никольском уезде, когда Иван Степанович приехал в родные края устанавливать советскую власть. В то время в пяти уездных волостях вспыхнул контрреволюционный мятеж, и Конев, будучи военным комиссаром, должен был его ликвидировать.

Прежде всего Иван Степанович решил вдвоем с помощником разведать, что же происходит на самом деле, каковы силы и расположение восставших. Под видом уездных землемеров они объехали все эти волости и выяснили, что активных мятежников всего-то несколько человек, и народ их не поддерживает, так что можно обойтись простым арестом зачинщиков, без боевых действий. Именно это он и сделал.

«Меня в этой истории поразил тот факт, — рассказывал Г.М. Пинаев, — что двадцатилетний комиссар, имеющий в своем распоряжении сотню солдат и два пулемета „максим“, не воспользовался удобным моментом показаться лихим рубакой-командиром, огнем и мечом защищающим родную советскую власть, а сам, рискуя своей жизнью, пошел в расположение врага и этим предотвратил неизбежное, кажется, кровопролитие. В этом эпизоде проявился тот Конев, которого потом любили солдаты и офицеры, где бы он ни служил: там, где можно обойтись без лишней крови, надо это сделать, даже если это опасно для собственной жизни!»

▲ Ручка маршала

Григорий Иванович Конев также, как и Федор, долгое время служил в императорской гвардии, тоже дослужился до звания младшего унтер-офицера и даже был удостоен чести стоять на посту № 1, то есть охранять спальню императора Николая II. В царские покои вел длинный коридор, а перед входом стоял офицерский караул. В спальню императора дозволялось входить только императрице и министру внутренних дел, которых часовые знали в лицо. По праздникам император здоровался со своими часовыми за руку и дарил каждому серебряный рубль. Однажды такой рубль в подарок получил и Григорий Иванович Конев. Потом он бережно хранил его и показывал гостям, как реликвию.

Григорий Иванович планировал продолжать службу в императорской армии. Он отличился во время Первой мировой

▲ Рубашка И.С. Конева

войны, когда Николай II послал собственную гвардию на ликвидацию прорыва в районе Мазурских болот. В том сражении погибло много офицеров, и Григорий Иванович взял на себя командование ротой, успешно проведя две атаки. За этот подвиг он был награжден двумя Георгиевскими крестами и медалями, а потом направлен на обучение в школу прапорщиков. Получив новое

звание Григорий Иванович был назначен на Юго-Западный фронт, где заслужил третий Георгиевский крест, медали и звание подпоручика. Его дальнейшее продвижение в армейской иерархии прервала Февральская революция. После этого он оставил карьеру военного, вернулся домой, женился и провел остаток жизни, занимаясь крестьянским хозяйством и лесозаготовками.

Что касается еще двух детей Ивана Степановича Конева — Дмитри и Клавдии, они рано покинули родное гнездо. Дмитрий уехал сразу же после смерти отца, поселился в Архангельске, начал работать на лесной бирже и больше никогда не возвращался в Лодейно. Говорят, что причиной послужило то, что от отца ему не досталось никакого

▲ Председатель Совета министров Монголии Цеденбал поздравляет И.С. Конева с присвоением ему звания Героя Монгольской Народной Республики. Фотография 1972 года

имущества, и потому он был обижен на братьев. Хотя, когда к нему на заработки еще до революции приезжал его племянник Иван, он с готовностью помогал ему устроиться.

Клавдия тоже принимала участие в судьбе будущего маршала. Маленький Иван рано потерял мать, так что нянчила его тетка, которая в ту пору сама была подростком. Ну а 18 лет она вышла замуж и вслед за Дмитрием покинула Лодейно навсегда.

Новые комнаты в старом доме

Помимо исторических интерьеров в доме Коневых были устроены выставочный зал и лекторий, где располагаются экспозиции, посвященные жизни и деятельности

маршала Ивана Степановича Конева. Здесь собраны вещи маршала — его военная форма, ордена и медали, карты основных операций, которые проводились под командованием Ивана Степановича, книги из его личной библиотеки,

▲ Экспозиция дома-музея

подарки друзей и множество фотографий с различных событий. В совокупности все экспонаты музея составляют достойную картину жизни маршала.

Отражения

Мемуары Конева

В 1960-е годы, спустя два десятилетия после войны, в стране началась эпоха военных мемуаров. Фронтовики вспоминали минувшее, обобщали свой опыт и создавали живую летопись тяжелых лет. Воспоминания писали все, и солдаты и полководцы. Незадолго до 20-летней годовщины Победы к И. С. Коневу обратился Константин Симонов и предложил ему написать мемуары о войне для майского выпуска журнала «Новый мир», главным редактором которого в то время был А. Твардовский. Поначалу Иван Степанович стал отказываться, объясняя это тем, что он не писатель. Тогда Симонов предложил маршалу не писать, а диктовать свои воспоминания. Расшифровать, напечатать и отредактировать — дело техники. Эта идея показалась Коневу заманчивой, и он согласился попробовать. Правда попросил Константина Симонова помочь ему и задать несколько вопросов, чтобы сориентироваться, о чем говорить.

«И вот потянулась череда насыщенных трудами дней, заинтересованными свидетелями которых были мы с мамой, — вспоминала Наталья Конева. — Рано утром, почти ежедневно, раздавался звонок в дверь, появлялся Симонов, в своем обычном черном вязаном свитере, с трубкой, которую он посасывал, а не курил, в знак уважения к некурящему хозяину, проходил в кабинет, и там начинались долгие беседы.

Точнее, отец рассказывал, а Симонов оставался внимательным и чутким слушателем и время от времени подбрасывал острые вопросы. У меня до сих пор в архиве хранятся записи этих бесед. Симонов умел „заводить“ отца, который, правда, был сам чело-

веком увлекающимся, темпераментным, открытым к диалогу. „А вот что, Иван Степанович, ответил вам Сталин на ту вашу просьбу о помощи, когда в начале октября сорок первого года обескровленный, не имевший резервов Западный фронт вот-вот мог рухнуть под ударами немецких войск?“ И откровенный ответ — видимо, давно отец носил его в себе. Он доверял этому уравновешенному, рассудительному и хорошо осведомленному человеку».

Так появилась на свет замечательная книга воспоминаний «Сорок пятый», изложенная простым и выразительным языком с искренним жаром человека, сражавшегося за свою родину.

Впоследствии Иван Степанович снова прибегнул к методу Симонова. Спустя несколько лет он создал еще один мемуарный труд — «Записки командующего фронтом», где рассказывается о крупнейших операциях 1943—1944 годов, начиная с Курской битвы и заканчивая полным освобождением нашей страны и выходом за ее границы.

На создание этой книги И. С. Конев затратил немало сил, хотя ему помогали редакторы. Он был уже нездоров, когда начинал писать ее, кроме того, он перечитывал множество архивных материалов, восстанавливая в памяти те или иные нюансы и заполняя пробелы в своих знаниях. Книга вышла в 1972 году, она получилась более сдержанной по тону повествования, но несомненно, что ее историческая ценность была столь же значительна для всех интересующихся этим нелегким периодом отечественной истории.